

Партийный кризис был преодолен только в первые годы XXI в., о чем свидетельствуют результаты внеочередных парламентских выборов, состоявшихся 23 января 2006 г. Консервативная партия под руководством Стивена Харпера одержала победу. За нее в общенациональном масштабе проголосовало 36,3% избирателей, что принесло ей 124 места в Палате общин и возможность сформировать правительство меньшинства. Место официальной оппозиции заняла Либеральная партия, получив 30,2% голосов избирателей и 103 места в парламенте. На третьем месте в парламенте с 51 депутатским мандатом оказался Квебекский блок, на четвертом – Новая демократическая партия – 29 депутатских мест [7]. Консервативная партия, оправившись после многолетних неудач, смогла, наконец, взять власть в свои руки. Этому способствовали два основополагающих фактора – объединение с Канадским альянсом и избрание новым лидером Стивена Харпера.

Как считали многие политические наблюдатели, перспективы Канадского альянса зависели от возможности партии оказывать влияние на состояние дел на федеральном уровне. Достичь этого можно было только заключением союза или даже слияния с консерваторами. Однако, как отмечалось выше, в 1997 г. объединение правого политического крыла не состоялось ввиду отказа консерваторов. Между тем, по мнению ряда аналитиков, лишь создание новой Консервативной партии на базе консолидации правых сил смогло бы остановить сползание страны к однопартийной системе [подробно см.: 3, с.65-78]. 12 декабря 2003 г. объединение состоялось. Предполагалось, что новосозданная партия, получившая название Консервативная партия, займет более жесткую, праворадикальную позицию по проблемам социальной и экономической политики. В марте 2004 г. С. Харпер был избран лидером новой партии.

Таким образом, очевидно, что партийная система Канады в 90-е гг. XX в. вступила в новый этап своего развития. На смену системе «двух с половиной» партий пришла многопартийная система. В результате, партийная система Канады стала представлять собой двухуровневую структуру, представленную тремя традиционными и двумя новыми региональными партиями, защищавшими интересы отдельных провинций.

Из трех традиционных партий Либеральная оказалась

в наиболее выгодном положении, сумев не только вернуться к власти после десятилетнего правления консерваторов, но и занять доминирующее положение в партийной системе. Такое положение вещей сохранилось до выборов 2006 г., ознаменовавшихся возвращением консерваторов к власти.

1. Ажаева В.С. Эволюция партийно-политической системы Канады в 90-х гг. // Канада: взгляд из России / отв. ред. В.И.Соколов. – М.: Анкил, 2002. – С. 67-81.
2. Данилов С.Ю. История Канады. – М.: Весь мир, 2006.
3. Комкова Е.Г., Барановский К.Ю. Выборы в Канаде: правые консерваторы у власти // США-Канада: Экономика, политика, культура. – 2006. – № 4. – С. 65-78.
4. Политическая платформа Квебекского блока [Электронный ресурс] // Bloc Québécois: офиц. сайт. – 2004. – Режим доступа: <http://www.blocquebecois.org/archivage/blq-depsyntese-anglo1.pdf>. – 11.11.2008.
5. A Time for Change: An Agenda of Respect for All Canadians [Электронный ресурс] // Canadian Alliance. – 2000. – Режим доступа: http://www.canadianalliance.ca/platform_en.txt. – 11.11.2008.
6. Bouchard L. On the Record / L. Bouchard. – Stoddart: Don Mills, 1994.
7. Canadian Federal Election, 2006 [Электронный ресурс] // Powerset. – 2006. – Режим доступа: http://www.powerset.com/explorer/semhtml/Canadian_Federal_Election_%2C_2006. – 10.01.2009.
8. Carty K., Cross W., Young L. Rebuilding Canadian Party Politics. – Vancouver: UBS Press, 2000.
9. Charest's Interview [Электронный ресурс] // Canoe.ca: офиц. сайт. – 1997. – Режим доступа: http://www.canoe.ca/FedElection/charest_interview.html. – 11.11.2009.
10. Clarkson S. The Liberal Threepeat: The Multy-System Party in the Multy-Party-System. – Toronto: Dundurn Press, 2001.
11. Declaration of Principe et Orientation du Bloc Québécois [Электронный ресурс] // Bloc Québécois: офиц. сайт. – 2004. – Режим доступа: http://www.bloc.org/2004/archivage/D%2C3%A9claraton+orientation_2000.pdf. – 02.04.2009.
12. Elections 1867-2000 [Электронный ресурс] // Canadahistory: офиц. сайт. – 2006. – Режим доступа: <http://www.canadahistory.com/canadahistory/sections/politics/elections.htm>. – 11.11.2008.
13. Manning P. The New Canada. Speech at the Canadian Club of Toronto. 11 October 1990 // The Empire Club of Canada Speeches 1990-1991. – Toronto: The Empire Club of Foundation, 1992. – P. 71-83.
14. Opportunity For All. The Liberal Plan for the Future of Canada. – Ottawa: Liberal Party of Canada, 2000.
15. Preston Manning's Interview [Электронный ресурс] // Canoe.ca: офиц. сайт. – 2000. – Режим доступа: http://www.canoe.ca/FedElection/manning_interview.html. – 11.11.2009.
16. Reform Party of Canada [Электронный ресурс] // Powerset. – 2006. – Режим доступа: http://www.powerset.com/explorer/semhtml/Reform_Party_of_Canada. – 4.10.2008.

Р.Ф. Назарова, Ю.Д. Кокамбо

ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Mass political consciousness of present Russia:
problems of its modernization on and adoption.*

Социально-политическое реформирование российско-го общества, демократизация политических процессов, изменение характера политического участия предопределили выдвигание феномена политического сознания в число наиболее актуальных и изучаемых. Категория «политическое сознание» как научная проблема существует достаточно давно. В последние годы анализ различных аспектов современного состояния политического сознания является предметом исследования ряда ученых (В.Э. Бойков, В.А. Трушин, Г.Г. Дилигенский, Д.В. Олшанский, Н.И. Козлова, А.С. Панарин и др.)¹.

В отечественной и зарубежной науке существуют различные концептуальные подходы к проблеме массового политического сознания, которые обуславливаются объективной сложностью явления и реальными трудностями его

выделения из многообразной и взаимосвязанной системы общественного сознания. Г.Г. Дилигенский, уточняя феномен массового политического сознания, утверждает, что его «правоммерно рассматривать как подсистему системы «массового сознания», обладающую специфическими механизмами детерминации и, следовательно, определенной относительной автономией в рамках данной системы»².

Неоднозначны подходы ученых к выделению тех или иных определяющих компонентов в структуре массового политического сознания. В научной литературе встречается точка зрения об идеологии как ведущей стороне этого процесса, характеризующей в конечном счете состояние массового политического сознания³. Часть исследователей рассматривает массовое политическое сознание как особый вид психологического отражения объективной действительности⁴. По мнению большинства ученых, массовое политическое сознание – это особый вид отражения объективной действительности, субъектом которого выступают все члены данного общества и который обрывается в процессе их социализации, взаимодействия и взаимовлияния. Реализуется массовое политическое сознание в форме теоретических и психологических представлений и оценок политической действительности.

Массовое сознание одновременно есть и сознание индивида, и сознание общности. Однако массовое сознание не реализуется в конкретном индивиде или строго в рамках одной группы, проявляясь как надгрупповое. Таким образом, массовое политическое сознание выражается как сознание одновременно всех и каждого. В этом его особенность и источник противоречий⁵. Хотелось бы подчеркнуть, что все эти точки зрения являются взаимодополняющими. Систему массового политического сознания надо анализировать как многомерный объект исследования в единстве индивидуального и общественного сознания, эмпирического и теоретического уровней, политической идеологии и политической психологии.

Массовое политическое сознание представляет собой совокупность наиболее типичных, общепризнанных политических идей, взглядов, установок по поводу политической власти и социального управления. Оно возникает и развивается в процессе политизации общественной жизни, унификации ее норм и принципов на основе исторического, личного опыта, традиций, культуры, морали, религиозных воззрений, опосредованно выражая уровень и содержание потребностей общества.

С середины 80-х гг. в массовом политическом сознании россиян произошла серьезная трансформация. Началась не только коррекция советского общества, а долгий и мучительный процесс перехода от патерналистского строя с практически полностью огосударственной экономикой к демократическому обществу, основанному на рыночной экономике. Такая смена не может произойти быстро и безболезненно, в том числе и в массовом политическом сознании общества. «Люди в этих системах стремятся пожать плоды «модернизации», однако их трудовые привычки, ценности, стереотипы поведения, но главное – их институты, а также сложившиеся производственные, распределительные и потребительские модели оказываются несостоятельными»⁶. Происходит резкая диффузия, распад доминирующих ранее взглядов, установок, политических и иных ценностей, зарождается новая система «видения» мира, новые «координаты» будущего развития. Одномерно идеологизированное советское общество, распадаясь и переходя в новое состояние, оказывается идеологически разнородным на базе новых моделей и типов политического сознания⁷.

В 90-е гг. в России начался процесс формирования преддемократического массового сознания. Это было связано с рядом кардинальных изменений в стране: произошло разделение власти, возник плюрализм в политике и идеологии, начала оформляться политическая оппозиция, появилась свобода слова и организаций и т.д. Однако формирование демократического сознания происходит непросто: в течение десятилетий в стране не было предпосылок для демократии, в то же время существовали факторы, с ней не совместимые. Модернизация посткоммунистической России столкнулась с рядом болезненных структурных проблем: инфляцией, безработицей, массовым обнищанием, расслоением населения, жесткой борьбой за выживание. Сложилась достаточно неблагоприятная обстановка для перехода к демократии, порождая у части людей пессимизм и неверие в демократические ценности и идеалы. В этой ситуации усиливается стремление уйти от политической жизни, наблюдается кризис доверия официальным властям. Практически только каждый четвертый россиянин в конце 90-х гг. доверял деятельности правительства, у каждого второго усилился пессимизм в отношении будущего, выросла тревога по поводу личной безопасности⁸.

В период бурных изменений в массовом политическом сознании выросла тревога за свою судьбу, боязнь потерять привычное, укрепилась психология «победнее, да поспокойнее». Боязнь россиян расстаться с установками на уравнительность, пасование перед личной ответ-

ственностью, стремление «спрятаться за коллектив» – таковы особенности массового сознания населения России в переходный период, которые не один год будут тормозить давно назревшие перемены. В массовом политическом сознании россиян росло единодушие в выборе харизматического лидера как главной опоры в сложной переходной ситуации, получающего право на легитимность через прямое волеизъявление большинства. Такова была основная тенденция массового политического сознания середины 90-х гг. – сторонников демократии (55,2%) и их оппозиционеров (76,5%)⁹.

В переходных состояниях становление демократического типа массового сознания переплетено с мучительным разрушением авторитарно-тоталитарного сознания. Какая тенденция существует в массовом сознании населения России и какая из них является доминирующей? Вопрос этот, как указывает Н.П. Поливаева, весьма сложен. Различия между двумя типами сознания, отмечает автор, непринципиальны. Большинство россиян – сторонников авторитаризма – подразумевает под ним не политическую диктатуру, а оперативное, эффективное регулирование экономики, защиту личности от произвола и беззакония при сохранении политических свобод. В сознании «демократов» же присутствует скорее всего негативный образ диктатора вообще. Для тех и других «сильная рука» – некий отвлеченный, лишенный конкретных черт образ порядка в стране, а не альтернатива демократии¹⁰.

Доминирующей формой массового политического сознания в советские времена была идеология. Несмотря на то, что преобладающим является мнение об отрицательных последствиях многолетнего господства советской идеологии, в ряде публикаций, основанных на проведенных опросах, исследователи констатируют, что сегодня в обществе проявляются симптомы «запроса на новую идеологию, отличную от прежнего коммунизма и от нынешнего антикоммунизма, не связанную с реальной реставрацией идеологических форм тоталитарного прошлого»¹¹. О.И. Гордеева в своей диссертации пишет: «Разделяя в значительной мере критику советской идеологии, мы полагаем, что процесс общественного развития сформирован и сегодня необходимо вернуться к идеологической проблематике. Потребность общества в интегративных, консолидирующих мотивациях сегодня важна тем более, что расчет реформаторов 80-90 годов на быстрое усвоение россиянами идеологии либерализма не оправдался»¹². Мы присоединяемся к мнению автора, что в массовом сознании россиян все еще велики и консервативная, и коммунистическая субкультуры. Демократическая субкультура формируется достаточно сложно, идет непростой отбор ценностей и идей демократии, актуальных для россиян.

В переломный период развития общества система социально-политических ценностей не имеет целостного характера. В массовом политическом сознании россиян сохраняются такие ценности как государственность, коллективизм, социальная справедливость, терпеливость. Они воспринимаются в качестве проявления духовной самобытности России, ее главного состояния, отличающего российское общество от западноевропейского. Параллельно с традиционными ценностями актуализируются и усваиваются ценности, порожденные проводимыми в стране преобразованиями: свобода, индивидуализм, частная собственность, толерантность и др.

Сегодня на одно из первых мест выдвигается такая ценность как стабильность общества. Она способна обеспечить легитимность власти, ее эффективность и прочность, повысить уровень жизни людей. Стабильность предполагает преодоление отчуждения между властью и народом, замену бюрократического государства на правовое, наличие оппозиции и гражданского общества¹³.

Демократические ценности постепенно проникают в

толщу массового политического сознания населения России, но этот процесс еще далек от своего завершения. Видимо, необходим определенный «жизненный цикл» складывания демократической политической культуры и политического сознания.

Как массовое политическое сознание оценивает в целом российское общество?

Данные опросов свидетельствуют о раздвоенности сознания россиян. Часть из них считает, что «нынешнее общество устроено менее справедливо, чем советское». Оппозиционность в отношении современной России имеет четкую политическую проекцию. Самый высокий ее уровень у сторонников КПРФ: только 2% из них считают, что нынешнее общество устроено справедливо¹⁴.

Самым значимым показателем несправедливости выступает разрыв в положении богатых и бедных в стране. Специфика эгалитаристского сознания россиян состоит в неприятии самого факта существования у нас богатых: 65% населения высказывается в пользу социально однородного государства и только 15% – в пользу его дифференциации. Корни подобного отношения следует искать в советской эпохе, где декларируемая государством цель состояла в построении общества полного социального равенства. Эта вера дожила в массовом сознании большинства россиян и до настоящего времени: две трети населения страны остаются сторонниками эгалитаризма, который оказался психологической защитой людей против засилья аморального неравенства.

Среди другой части населения страны, оценивающей нынешнее общество как «более справедливое, чем было советское», главным мотивом является возможность реализации новых моделей поведения, возникших в стране в результате демократизации и перехода к рынку (возможность заняться предпринимательством – 55%, гарантированность политических прав и свобод – 65%)¹⁵.

Анализ исследований показывает, что россияне недовольны не столько государством как таковым, сколько самой социально-политической системой, которая сложилась в России (приватизацией госсобственности узкой группой лиц, дороговизной жизни для большинства населения, безработицей, игнорированием интересов массы людей). В конечном счете подобного рода мировосприятие концентрируется в критическом отношении к государству и власти.

Как известно, в России государство всегда играло доминирующую роль в выработке основных направлений развития страны, нередко мало считаясь с целями и интересами многочисленных групп населения. В условиях радикальных реформ и социально-политических преобразований государство по-прежнему сохранило эту монополию. Специфика современной ситуации однако заключается в том, что государство, существенно ослабив идеологический контроль, руководствуясь псевдолиберальными лозунгами, в значительной мере отказалось от формирования (совместно с основными социальными группами и группами интересов), ориентиров, приоритетов и целей, жизненно важных для любого современного общества. Реальный опыт свидетельствует об ограничении политических возможностей населения, что формирует в массовом сознании ощущение отстраненности от институтов власти и процессов принятия решений. Для многих людей становится устойчивым чувство личного политического бессилия, неспособности оказывать реальное эффективное воздействие на политический процесс. В результате – отход многих людей от традиционных форм политического поведения, сосредоточение на проблемах ближнего круга (личной, семейной жизни и т.д.)¹⁶.

К числу негативных моментов в массовом сознании населения России относится отсутствие доверия не только к властным структурам, но и к политическим партиям, которые призваны играть роль связующего звена между

обществом и государством. Согласно массовым всероссийским опросам, проводившимся на протяжении 1990 – начала 2000-х гг., политическим партиям стабильно доверяли не более 10% российских граждан. Политические партии современной России являются в сознании ее граждан выразителями интересов и протестных настроений только политической оппозиции, а не населения страны¹⁷.

Следует отметить, что критичность масс по отношению к власти меняет свое содержание. В последние годы все более устойчивой установкой массового политического сознания является осознание россиянами невозможности решить острые социальные и политические проблемы без участия государственных структур. Люди выражают свое отношение не столько к либеральным идеям, лежащим в основе политики, сколько к практической реализации этих идей.

Опрос россиян, проведенный Институтом сравнительных исследований в июне – августе 2003 г., показал, что наиболее массовая форма общественного участия в понимании населения России – голосование на выборах. Выборы для населения нашей страны – это прежде всего форма выражения легитимного отношения как к власти (31%), так и к отдельным политикам (25%). Значительно реже население России оценивает выборы как возможность участия в формировании органов власти и как способ отстаивания своих интересов¹⁸.

Структурные изменения общества, глубокие различия в психологическом и идеологическом осмыслении действительности теми или иными социальными общностями являются определяющим фактором внутренней неоднородности и фрагментарности массового политического сознания населения России.

Подводя итоги предшествующего анализа, можно выделить следующие основные типы общественного сознания. Одна часть населения России остается сторонниками советской идеологии и политики. Сознание этих людей носит патерналистско-эгалитаристский характер. Для него характерны ожидание решения своих проблем за счет политики государства или местных властей, убеждение в необходимости создания в стране общества равных доходов, болезненная реакция на социальную дифференциацию общества, жажда «сильной руки», которая бы навела порядок в стране вплоть до передела собственности. Этот тип сознания свойственен в основном людям старшего поколения, живших в условиях СССР, сторонникам коммунистической идеи.

Другая часть населения полностью отвергает коммунистические стереотипы, ее политическое сознание ориентируется на новые процессы, происходящие в России. Эти люди поддерживают преобразования в политике и экономике, считают демократические реформы в стране необходимыми. Данный тип политического сознания может быть охарактеризован как индивидуалистически-либеральный. Для него свойственны ориентация при решении своих проблем прежде всего на собственные силы, спокойное отношение к дифференциации общества. Люди с такого типа сознанием ориентированы на карьеру и жизненный успех. В этом отношении они ближе к западной ментальности, чем остальное население России. Среди них больше всего демократов, хотя есть и сторонники центристской и даже коммунистической идеологии. В социальном плане носителями такого сознания являются интеллигенция, предприниматели, инженерно-технические работники и т.д.

В массовом политическом сознании третьей части россиян идет сложный процесс борьбы старого с новым. Их политическое сознание как бы на перепутье между двумя полюсами ментальности. В целом, как отмечают ученые, политическое сознание этой части населения, занимающего промежуточное положение, больше тяготеет ко второму, демократическому типу¹⁹. Надо отметить, что

подобное смешение наблюдается, как правило, у людей молодого возраста, имеющих достаточно высокий уровень образования.

Конечно, во всех типах массового политического сознания россиян есть точки соприкосновения, есть основа для национального согласия. Опыт человечества показал, что идеологические разногласия в конце концов поддаются цивилизованному урегулированию. Следует сказать, что сегодня выработка ценностных демократических ориентаций серьезно осложняется вакуумом фундаментальных для общества ценностей, идеологических доктрин с национальной спецификой, скрепляющих общество, способствующих его интеграции.

В заключение хотелось бы отметить те факторы, которые, по мнению ряда исследователей, влияют на массовое сознание россиян. Так, Т.А. Кулакова выделяет следующие из них: многозначность политических ориентаций; равнодушие к любым идеологическим построениям; критицизм населения к власти как таковой; усиление значимости понятий, которые носят объединительный характер; идеи новой интеграции и идентификации (сильное государство, держава, великий народ и т.д.); повышение лояльности населения к правящим структурам, а следовательно, к уровню легитимности и нравственной оценке власти россиянами; укрепление стабильности и порядка в обществе²⁰.

Массовое политическое сознание россиян, без сомнения, является основным фактором изменения политической жизни современной России на пути демократизации общества. Оно помогает корректировать возможности реализации целей, масштабов и перспектив развития страны, сдвигов в расстановке политических сил. В этом его огромные потенциальные возможности.

¹ Бойков В.Э. Общественное сознание и перестройка. – М., 1990; Грушин В.А. Массовое сознание. – М., 1987; Дилигенский Г.Г. Социальная политика и психология. – М., 1994; Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. – М., 1995; Козлова Н.И. Социализм

и сознание масс. – М., 1989; Панарин А.С. Философия политики. – М., 1996.

² Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели. – М., 1986. – С. 135.

³ Горячева А.И., Макаров М.Г. Общественная психология. – М., 1979. – С. 158.

⁴ Дилигенский Г.Г. Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. – 1983. – № 11. – С. 7-8.

⁵ Кулакова Т.А. Противоречия массового политического сознания населения современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – СПб, 1995. – С. 12.

⁶ Ласло Э. Рождение слова-науки-эпохи // Полис. – 1993. – № 2. – С. 28-29.

⁷ Поливаева Н.П. Тип общества и политическое сознание // Вестник МГУ. Сер. 18. – 2002. – № 2. – С. 20-21.

⁸ Денисовский Г.М., Никовская Л.И. Демократическое и авторитарное сознание современной России: состояние и перспективы. Его влияние на современные процессы // Массовое сознание и политические действия. – М., 1994. – С. 111-112.

⁹ Там же. – С. 31.

¹⁰ Поливаева Н.П. Политическое сознание россиян в 90-е годы: состояние и некоторые тенденции развития // Вестник МГУ. Сер. 12. – 1997. – № 5. – С. 52.

¹¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. – 1995. – № 2. – С. 68.

¹² Гордеева О.И. Политическое сознание современного общества: проблемы формирования и тенденции развития: дис. ... канд. полит. наук. – М., 1997. – С. 148.

¹³ Чудинова И.М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 5. – С. 3-6.

¹⁴ Рывкина Р.В. Эгалитаризм массового сознания населения России как показатель конфликтности общества // Общественные науки и современность. – 2006. – № 5. – С. 79.

¹⁵ Там же. – С. 77-79.

¹⁶ Мангейм К. Консервативная модель // Социс. – 1993. – № 1. – С. 19.

¹⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическое самоопределение российского общества (внутренние факторы и ограничения) // Общественные науки и современность. – 2006. – № 4. – С. 80.

¹⁸ Римский В.Л. Политическая и общественная активность российских граждан // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. – С. 60-62.

¹⁹ Тихонова Н.Е. Мировоззренческие ценности и политический процесс в России // Общественные науки и современность. – 1996. – № 4. – С. 25-27.

²⁰ Кулакова Т.А. Противоречия массового политического сознания населения современной России: дис. ... канд. социол. наук. – СПб. – 1995. – С. 112.

С.В. Головатый

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Manual of the rights and duties personnel in Armed conflicts. Applicability of Customary norms of International Humanitarian Conflicts Customary norms in International Humanitarian law relating, the prevention of Journalists and Medical personnel in time of Armed conflicts.

Проблемы международно-правового статуса врачей и журналистов рассматривались в 60-70-е гг. XX в. В результате работы дипломатической конференции по пересмотру и расширению действия Женевских конвенций 1949 г. в 1977 г. появились Дополнительные протоколы к указанным конвенциям. В частности, Дополнительный протокол I дополнил Женевские конвенции статьями 79 «Меры по защите журналистов». В этой статье предусматривается, что: «журналист, находящийся в опасной командировке в районе вооруженного конфликта, будучи гражданским лицом, пользуется в полном объеме защитой, предоставляемой международным гуманитарным правом гражданским лицам, при условии, что они не совершают никаких действий, несовместимых с их статусом гражданских лиц. Удостоверение личности, согласно образцу, который приводится в приложении к Протоколу, является доказательством, что владелец такого удостоверения действительно журналист».

Этот же Протокол I 1977 г. дает следующее определение медицинского персонала: «медицинский персонал» означает лиц, которые назначены стороной, находящейся в конфликте, исключительно для медицинских целей, перечисленных в пункте «е», для административно-хозяйственного обеспечения медицинских формирований или для работы на санитарно-транспортных средствах и для их административно-технического обеспечения. Такие назначения могут быть либо постоянными, либо временными. При этом сам медицинский персонал может быть гражданским или военным, но гражданский персонал пользуется защитой, предоставляемой международным гуманитарным правом медицинскому персоналу, только в том случае, если он получил назначение от находящейся в конфликте стороны, к которой он принадлежит. Таким образом, гражданский врач, продолжающий практиковать в ходе вооруженного конфликта и не получивший конкретного назначения от своей страны, не включается в состав медицинского персонала по смыслу международного гуманитарного права. Это ограничение объясняется тем, что медицинский персонал (как и журналисты) пользуется особыми привилегиями, и, поскольку воюющая держава несет ответственность за любые возможные злоупотребления этих лиц, она должна осуществлять за ними определенный контроль, предоставив им эти привилегии».

Гражданские журналисты относятся к категории гражданского населения и являются весьма бесправными в условиях войны, так как внутригосударственное законодательство имеет тенденции кардинально ограничивать права мирных жителей в связи с военным положением,